

ЦЕНА УВАЖЕНИЯ

Дмуховская Вероника Валерьевна

Вероника Дмуховская

Цена Уважения

«Автор»

2026

Дмуховская В.

Цена Уважения / В. Дмуховская — «Автор», 2026

В Рогачёве есть странная традиция — не зашторивать окна, чтобы свет служил знаком: здесь живут. Но в доме напротив, где по документам никто не обитает, свет зажигается сам собой. Ольга приехала сюда разобраться в исчезновении двух человек, чьи следы ведут к этому загадочному адресу. Ей предстоит столкнуться с тем, что не поддаётся логике архивов — с Вужалкой, древним хранителем, который не прощает вторжения без уважения. Это история о том, как опасно переступать невидимые границы и как важно вовремя понять: ты здесь гость или уже «свой»?

© Дмуховская В., 2026

© Автор, 2026

Вероника Дмуховская

Цена Уважения

Цена уважения

Автор :

Дмуховская Вероника Валерьевна

Аннотация:

В Рогачёве есть странная традиция — не зашторивать окна, чтобы свет служил знаком: здесь живут. Но в доме напротив, где по документам никто не обитает, свет зажигается сам собой. Ольга приехала сюда разобраться в исчезновении двух человек, чьи следы ведут к этому загадочному адресу. Ей предстоит столкнуться с тем, что не поддаётся логике архивов — с Вужалкой, древним хранителем, который не прощает вторжения без уважения. Это история о том, как опасно переступать невидимые границы и как важно вовремя понять: ты здесь гость или уже «свой»?

В Рогачёве не было привычки зашторивать окна. Вечером свет просто зажигали — и он оставался виден с улицы, тёплый, ровный, как знак: здесь живут. Даже если внутри никого не было, свет иногда всё равно горел. Оля заметила это в первую же ночь — и сначала списала на забывчивость. Потом — на совпадение. На третий день она перестала придумывать объяснения. Дом, в который её поселили, стоял в частном секторе, чуть в стороне от основной улицы. Невысокий забор, старая яблоня, перекошенные ворота, которые нужно было приподнимать, чтобы открыть. Ничего особенного — таких домов здесь было десятки. Кроме одного. Он стоял напротив, через узкий двор, и выглядел почти так же. Те же окна, те же стены, та же яблоня у калитки. Только в нём никто не жил — это ей сказали сразу, как только она заехала.

— Пустой он, — махнула рукой хозяйка, передавая ключи. — Давно уже.

— А свет? — спросила Ольга, кивнув на окно первого этажа.

Хозяйка не сразу поняла, о чём она. Потом посмотрела — и чуть дольше, чем нужно.

— Показалось, — сказала она. — Там никто не живёт.

Сказала спокойно. Слишком спокойно. Оля не стала спорить. Она вообще не любила начинать разговоры с возражений — особенно в незнакомом месте. Тем более что приехала она не отдыхать. Формально — проверить документы по наследству. На деле — разобраться, почему за последний год в этом районе пропали два человека, и оба были связаны с одним и тем же адресом. С тем самым. Днём всё выглядело проще. Двор как двор: утоптанная земля, старая лавка у забора, следы колёс, уходящие к дороге. Дети играли дальше по улице, но сюда не заходили. Не потому, что было нельзя — просто не заходили. Обходили, как обходят лужу, которую не хочется перепрыгивать. Оля несколько раз ловила себя на том, что делает то же самое. Она не заходила во двор напротив. Сначала — потому что не было причины. Потом — потому что не хотелось. Это было странное чувство. Не страх. Не тревога. Скорее — тихое, почти вежливое понимание: *не надо*. На четвёртый день она всё-таки подошла ближе.

С утра шёл дождь — мелкий, затяжной, от которого земля становится тёмной и тяжёлой. К обеду он закончился, и во дворе стоял влажный, густой запах — как в теплице или у самой реки. Оля остановилась у забора. С этой стороны дом выглядел ещё более обычным. Закрытые окна. Тихо. Ни звука. Только вода капала с крыши — редкими, ленивыми ударами. Она уже собиралась уйти, когда заметила след.

Сначала показалось — просто вмятина в грязи. Потом — ещё одна. И ещё. Они шли от крыльца к забору, но не были похожи ни на человеческие, ни на звериные. Не было ни пятки, ни пальцев, ни когтей. Только вытянутые, прерывистые полосы, как будто что-то тяжёлое двигалось, скользя по земле. Оля присела. Провела пальцем по краю следа. Грязь была свежей, мягкой. Значит, это произошло недавно. Ночью — или утром. Она выпрямилась и автоматически посмотрела на окна. В одном из них мелькнул свет. Не вспыхнул — именно мелькнул, как будто кто-то прошёл мимо внутри комнаты. Оля замерла. Дом снова стал пустым. Тихим. Неподвижным.

— Там никого нет, — сказал голос за спиной.

Она обернулась. Соседка — та самая хозяйка — стояла у своего забора, держа в руках мокрое полотенце. С него капала вода.

— Вы же сами говорили, — ответила Оля.

— Говорила, — кивнула та. — И сейчас говорю.

— Тогда что это?

Женщина посмотрела на следы. Потом — на дом. Потом снова на Олю.

— Лучше не спрашивай, — сказала она тихо. — И не заходи туда.

— Почему?

Ответа не было.

Женщина чуть сжала полотенце, будто хотела выжать из него ещё воду, и отвернулась.

— Люди туда ходили, — добавила она уже через плечо. — Те, что пропали. Все сначала просто смотрели. Как ты.

Оля не двинулась.

— И что с ними стало?

Женщина пожала плечами.

— Не вышли.

Просто. Без паузы. Без попытки смягчить. Оля снова посмотрела на дом. На этот раз ей показалось, что в глубине двора что-то шевельнулось. Не быстро. Не резко. Медленно. Слишком медленно для человека. Как будто само пространство внутри двора чуть сдвинулось — и вернулось на место. Она моргнула. Ничего. Только мокрая земля, следы — и дом, в котором никто не жил. Вечером свет загорелся снова. Оля не сразу это заметила — просто в какой-то момент поняла, что в окне напротив стало светлее. Она стояла у раковины, мыла кружку, и отражение поймало её взгляд раньше, чем она повернулась. Свет был тёплый. Живой. Такой не оставляют просто так. Она вытерла руки и вышла на крыльцо. Двор был пуст. Тихий. После дождя воздух стал холоднее, и где-то далеко лаяла собака — глухо, без злости. Оля сделала шаг вперёд. Потом ещё один. Забор скрипнул, когда она оперлась на него рукой.

— Не надо, — сказал кто-то.

Голос был тихий. Почти рядом. Она резко обернулась. Никого. Только тень от яблони, качнувшаяся от ветра. Оля снова посмотрела на дом. Свет в окне чуть дрогнул. И в этот момент она совершенно ясно поняла: её там ждут. Не как гостью. И не как случайного человека. А как ту, кто должен решить —

входить или нет. Она не сразу поняла, что именно изменилось. Сначала — просто ощущение. Как будто воздух стал плотнее, ближе к коже. Звук собаки где-то вдалеке оборвался — не постепенно, а сразу, как выключенный. Даже ветер стих, и яблоня у забора застыла, не закончив движение. Оля стояла, держась за холодную перекладину, и смотрела на окно. Свет больше не дрожал. Он был ровным — и слишком внимательным. Так не светят лампы. Так смотрят. Она отпустила забор. Сделала шаг назад — медленно, чтобы не скрипнула доска под ногой. Почему-то было важно не шуметь, хотя она не смогла бы объяснить, для кого именно. Тень в глубине двора снова сдвинулась. Теперь — отчётливее. Не силуэт. Не фигура. Скорее

— линия. Длинная, тёмная, чуть более плотная, чем остальная темнота. Она лежала у самой земли, почти сливаясь с ней, и двигалась так, будто не шла, а перетекала с места на место. Оля замерла. Мысль была простой и чужой: *если не двигаться — тебя не заметят*. Линия остановилась. Секунда. Две. Потом — медленный, едва заметный поворот. И Оля вдруг поняла, что это не она наблюдает. Это наблюдают за ней. Она отступила ещё на шаг — и доска всё-таки скрипнула. Звук оказался громче, чем должен был. Резче. Как будто его ждали. Тень исчезла. Не убежала — просто... перестала быть. Свет в окне погас. Сразу. Двор снова стал обычным: тёмным, мокрым, пустым. Ветер вернулся, тронул ветки, где-то снова залаяла собака — уже ближе, тревожнее. Оля резко выдохнула, только сейчас заметив, что всё это время почти не дышала.

— Показалось, — сказала она вслух.

Голос прозвучал чужим. Она повернулась и почти бегом вернулась к себе в дом, закрыла дверь, провернула ключ — один раз, потом второй. Постояла, прислушиваясь. Тишина. Такая, какая и должна быть.

Ночью ей не спалось. Не из-за страха — он как раз ушёл, оставив после себя странную ясность. Как после сильного дождя, когда воздух становится прозрачным, и всё кажется чуть резче, чем обычно. Она лежала, глядя в потолок, и перебирала факты. Два человека. Оба связаны с домом напротив. Оба исчезли. Никаких следов борьбы. Никаких свидетелей. Только разговоры. *Не вышли*. Она перевернулась на бок. Окно было не зашторено — как и у всех здесь. И оттуда, из темноты, смотрел двор. Пустой. Обычный. Оля приподнялась на локте. Ей вдруг показалось, что если смотреть достаточно долго, можно увидеть то, что днём прячется за привычными очертаниями. Сначала — ничего. Потом — движение. Там, где днём были следы, что-то снова скользнуло по земле. Медленно. Почти лениво. Как будто знало, что спешить некуда. Оля не отводила взгляда. В этот раз она не отступила. Не отвернулась. И, возможно, именно поэтому заметила то, чего не видела раньше. Движение было не хаотичным. Оно шло по линии. От крыльца — к забору. Точно по тем самым следам, которые она рассматривала днём. Туда и обратно. Снова и снова. Граница. Мысль возникла сама, без усилия. Оно ходит по границе. Оля медленно встала с кровати. Подошла к окну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.